

Клара Шарафадина

Флоропозитика как код бытовой прозы XIX века : (Дневник и литературные опыты Анны Олениной)

Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica 4, 75-81

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

КЛАРА ШАРАФАДИНА
Санкт-Петербург (Россия)

ФЛОРОПОЭТИКА КАК КОД БЫТОВОЙ ПРОЗЫ XIX ВЕКА (ДНЕВНИК И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ АННЫ ОЛЕНИНОЙ)

Дневник как маргинальный жанр находится на границе реальности и литературы: авторская интенция часто обусловлена системой кодов, присущих культуре данной эпохи, в том числе и этикетно-бытовых. Промежуточность природы дневника и вторичность используемых в нем приемов эстетизации материала реальности определяют его особую роль в качестве источника, наглядно демонстрирующего спектр ассоциативно-символических возможностей шифров бытового сентиментализма.

Наше внимание привлёк дневник Анны Алексеевны Олениной (велся в 1828–1829 гг., несколько записей датированы 1830 и 1831 гг.) и ее же литературные опыты начала 1830-х гг. Эти тексты объединяет апелляция к тайнописным ресурсам «языка цветов». Анна Оленина не могла не разделять особого, в каком-то смысле «интимного» отношения к растительной символической сложившегося в ее семье. Об этом свидетельствует следующий факт: в 1813 г. в приютинском парке отец и мать, Алексей Николаевич и Елизавета Марковна, установили камень в память о старшем сыне Николае, погибшем на Бородинском поле. На кенотафе была высечена мемориальная надпись, навеянная достоверными событиями: дубок, некогда посаженный Николаем в приютинском парке, засох сразу после его гибели:

Здесь некогда наш сын дуб юный возвращал:
Он жил, и дерево взрастало.
В полях Бородина он за Отчизну пал,
И дерево увяло.
Но не увянет здесь дней наших до конца
Куст повилики сей, на камень насаженный,
И с каждою весной взойдет он, орошенный
Слезами матери и грустного отца¹.

Надпись обыгрывала аллегории дуба и плюща («повилики»): дуб – известный символ силы, мужества, любви к родине; плющ в иконологии был знаком бессмертия, аллюзии на привязанность и неумирающие чувства, а его концепт в поэтике «языка цветов» обозначал «верность». Именно с подобным аллегорическим заданием высаживался плющ, как отмечают исследователи, в русских усадебных парках². Можно вспомнить и миниа-

¹ А. А. Оленина. *Дневник. Воспоминания*. вст. ст. В. М. Файбисовича. сост., подг. текста, комм. Л. Г. Агамалян, В. М. Файбисовича, Н. А. Казаковой, М. В. Арсентьевой, Санкт-Петербург 1999, с. 12.

² В. С. Турчин, *Аллегии будней и празднеств в «сословной иерархии» XVIII–XIX веков: от усадебной культуры прошлого до культуры наших дней (эссе)*, [в:] *Русская усадьба*, вып. 2 (18), Москва 1996, с. 26.

тюру Василия Жуковского *Дружба* (1805), в которой именно эти коннотации растения поэт использовал для эмблематизации дружбы:

Скатившись с горной высоты,
 Лежал на прахе дуб, перунами разбитый;
 А с ним и гибкий плещ, кругом его обвитый.
 О Дружба, это ты!³

Несколько записей в дневнике Анны Алексеевны дают представление о ботанических увлечениях семейства Олениных. Так, в записи от 2 июня 1829 г. она с восторгом упоминает семейное посещение Петербургского Ботанического сада, директор которого Ф. Б. Фишер был их знакомым:

Во вторник мы заезжали к Фишерам. Какое прекрасное заведение! [...] Я подтрунивала над графом Виельгорским по поводу его учености в области ботаники⁴.

В другой записи вскользь упомянуто о цветах, «сажаемых Маминькой»⁵.

В главке *Ссора*, повествующей о приютинских развлечениях (стрельбе из лука) и размовке с Хорунжиим, Оленина, анализируя происшедшее и описывая свой характер, прибегает к такой аналогии:

[...] я стараюсь усыпать путь мой не маковыми цветами, которые клонят ко сну, но розами и даже с шипами, потому что последние, кольнув, разбудят иногда тебя посреди Рая воображения, но зато и не доведут к единообразию, к чему примыкает даже и путь щастья⁶.

Напомним, что аллегория розового куста с шипами, восходящая к старинной эмблематике, заключалась в сентенции «нет радости без печали». Эпиграфом к записи автор избирает измененную цитату из 6 главы *Онегина* (XXVIII строфа):

Давно ль они часы досуга
 Трапезу, мысли и дела
 Делили дружно? Ныне злобно,
 Врагам наследственным подобно,
 [...] Не засмеяться ль им, пока...

Завершал дневник образ вонзенного в сердце «терня», который общей ассоциацией ранящей колючки корреспондировал и с «шипами» розы, и со стрелами:

Прошло целых два года. [...] Дружба моя с милыми Блудовыми занимает все минуты, остающиеся от шумной пустой светской жизни. Наша переписка – настоящий журнал. [...] мы поняли друг друга, мы жили душою: наш мир – не светской мир, он – мир души, он – мир воображения. [...] О, как сладостно истинное чувство дружбы [...] Примите же, друзья, мою благодарность; оживленная вами, я снова стала жить, пылать, чувствовать, понимать все великое, и вы вынули из сердца тернь, которую там оставили обманы света (Петербург, 1835, 2 февраля)⁷.

³ В. А. Жуковский. *Сочинения*, Москва 1980, т. 1, с. 254.

⁴ А. А. Оленина. *Дневник. Воспоминания...*, с. 121.

⁵ Там же. с. 96.

⁶ Там же. с. 98. Рукописи А. А. Олениной цитируются нами с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

⁷ Там же, с. 161.

Описывая свой бальный наряд в записи от 21 августа 1829 г., Оленина мимоходом отмечает:

Мое платье было чудесное: белое, дымковое, рисованные цветы, а на голове натуральная зелень и деланные цветы, я очень к лицу была одета⁸.

Но даже это, казалось бы, ни к чему не обязывающее замечание, облекается неким дополнительным смыслом и получает новый акцент в контексте появляющегося в финале дневника большого списка «языка цветов» (132 позиции) на французском языке. Он представляет собой перечень названий растений (расположены по алфавиту) с соответствующими каждому цветку или дереву этикетными значениями.

Наши разыскания помогли установить, что непосредственным источником списка Олениной стало первое французское пособие по «языку цветов»: V. Delachénaye, *Abécédair de Flore ou Langage des fleurs* (Paris, 1811) = Б. Делашене, *Азбука Флоры, или Язык цветов* (Париж, 1811).

Привлекателен не только охват списка (больше ста позиций). Более всего интересны выясняющиеся после сопоставления с первоисточником как избирательность версии Олениной (в пособии Делашене двести позиций), так и характерные для него персональные вариации концептов, приписываемых тем или иным растениям, несовпадение их с исходной семантикой французского первоисточника. Сами по себе они становятся интересным материалом для оценки тех сдвигов в семантике «цветочного наречия», которая происходила в этот период его бытования. Кроме того, наблюдаемое в списке Олениной семантическое переакцентирование первоисточника служит поводом для выводов о его адаптации отечественной этикетно-бытовой традицией.

Оригинальные примеры применения ассоциативного фонда и эстетических возможностей флоропоэтики, гипотетически заявленных этим списком, содержат литературные опыты Олениной, относящиеся к 1831 г. Это незавершенный рукописный *Роман нашего времени* (начат 4 августа 1831 г. в Приютине) и его *Продолжение* (начато в Петербурге 9 декабря 1831 г.), хранящиеся в РО РНБ в фонде Олениных. Они демонстрируют искусственность автора в «языке цветов».

Дневник и роман во многом сходны. Лейтмотив дневника – «мечта о любви и создании семьи»⁹ – в романе продолжен в любовной интриге, в которой угадывается сокровенный смысл. Автобиографический подтекст усматривается исследователями прежде всего в центральной сюжетной линии – любви героини, Маши Ландышевой, к гусарскому полковнику Виктору Датчеву.

Автобиографизм проявляется и в некоторых описаниях. Так, в описании обстановки комнаты героини, содержащемся в *Продолжении*, исследователи склонны видеть черты документальной обстановки приютинской комнаты автора. В нем обращает на себя внимание переданная Олениной героине приверженность к разнообразным знаковым атрибутам. Ср.:

⁸ Там же, с. 129.

⁹ Там же. с. 31.

[...] на нем [письменном столе – К. Ш.] стоят часы, ваза для облаток и для цветов и перо. Все предметы подарены друзьями, все имеют свои значения. На бронзовой маленькой пагоде висят печати и кольца (нрзб) их. На одной – девиз *constante per la vita* [постоянная на всю жизнь – итал.], на другой на чистом голубом камушке выгравирована одна только звездочка, она без девиза, но кто не угадает, чей она образ! Печать подарена Аделью Мельской, и хранится! Но вот и кольца [...] одно совсем простое изкапаемое: спросите, что оно значит, постарайтесь его взять, и, покраснев до ушей, его у вас вырвут из рук, его спрячют... Но вы теперь в комнате невидимкой, читайте. Сперва четыре точки, а потом: **et pour toujours (и навсегда)**. Что они значат, сами догадайтесь, но я вам, право, не скажу¹⁰.

Учитывая это, можно предположить, что и многочисленные цветы, которыми автор аранжирует образ своей героини (розы, камелии, опунция), в той или иной мере иносказательны, а одним из источников их интерпретации становится известный автору «язык цветов». Собственно и само цветочное имя, избранное для героини – Ландышева – не случайность, так как ландыш означал «возвращение счастья», изливание сердец и брачный союз.

Намек на «язык цветов» появляется уже на первых страницах романа. Так, Владимир, брат Маши Ландышевой, многозначительно представлен читателю с таким растительным спутником, как шиповник (эта деталь сохранена в обеих редакциях): Алина, выглянув в окно, видит «молодого человека, почти совсем заслоненного кустом шиповника, выросшего под окном» (л. 1 об.). Как выясняется из дальнейшего повествования, он безответно и безнадежно влюблен в Алину – подругу Маши. Сопоставим: в списке из дневника «цветок шиповника» связан со значением «несчастливая любовь» (*eglantine – amour malheureux*).

В очередной сцене романа Алина плетет для подруги «венок из розанов»: позже Маша появится на своем первом петербургском бале в белом платье и в этом венке из розанов, напоминая «героиню Оссиана». Любопытно, что в рукописи первоначально фигурировал «венок из цветов», затем карандашом было внесено уточнение «из розанов». Белый цвет платья и сравнение с героиней поэмы Оссиана актуализируют этикетное значение венка из роз, а именно «награда добродетели».

В другой сцене романа Маша шьет по канве «гирлянду из пунцовых кактусов с листьями плюща» (л. 76 об.), которая становится поводом для разговора с симпатизирующим ей Леневым. Героиня, погруженная в свои переживания, неучтиво отвечает на его вопросы, за что корит себя и пытается загладить свою грубость.

Выбор рисунка представляется не случайным, так как кактус (опунция) фигурирует в списках селамы с репликой «я обжигаю», а «плющ» – символ нежности и верности, эмблематизирует «верную дружбу». Союз растений в рисунке намекает, что дружеское участие может покорить даже неприступное сердце. Правда, Маша Ландышева в ответ на предложение Ленева

¹⁰ А. А. Андрю (Оленина), *Роман нашего времени* (черновая редакция), РО РНБ, ф. 542, е. х. 935. л. 133 (об.)–134.

полюбоваться реальными опунциями, которые он наблюдал во время путешествия по Италии, замечает, что ей вряд ли понравится это экзотическое растение. Подтекст очевиден: ведь ее эмблема – невинный белый ландыш, а не восхитительная огненно-красная опунция: красным цветам в селамах обыкновенно приписывалась «страстность», поэтому со временем за ними в списках закрепились репутация мужских цветов.

Любопытно, что селамный список, воспроизведенный в дневнике Олениной, был взят из пособия, в котором его автор Б. Делашене предлагал новый способ сообщения с использованием цветов как раз именно в вышивках. Закрепляя за каждым растением ту или иную букву и звук французского алфавита (например, *lilas* – звук «а» во втором слого), он предлагал, чередуя изображения цветов, составлять из них таким образом слова, а из них – предложения.

Апелляция к растительной символике очевидна, на наш взгляд, и в пространном описании туалета Маши, собирающейся в театр: «стала прикалывать на голову розовые камелии», затем надевает «крепкое розовое платье с букетами из камелий» (л. 81 об., 82 об.).

Следует иметь в виду, что в пушкинское время камелия была достаточно экзотическим растением, недавно завезенным из Европы. Н. Ф. Золотницкий ссылается на тот факт, что весь светский Петербург съезжался к графине Нессельроде посмотреть на цветение камелий в ее оранжереях как на диковинку¹¹. Цветок еще не связывался со значением «бессердечной красоты», с которым он войдет в «язык цветов» после успеха романа Дюма-сына *Дама с камелиями*. Напротив, камелию считали лучшим подарком невесте, нередко украшали бальное платье или прическу.

Можно предположить, что в этом фрагменте Оленина скорее всего апеллирует к складывающейся в то время репутации камелии, связанной с бальной ангажированностью юными девушками на выданье. Знаковость здесь сосредоточена и в выборе цвета (гамма камелии в то время – от белого до красного, позже садоводы выведут желтую разновидность): розовый корреспондирует с молодостью героини, ее ожиданиями любви.

В заключение сошлемся на одно из дошедших до нас стихотворных подношений Анне Олениной – стихотворение М. Е. Лобанова *Гвоздика в Генваре 1837 года*. Оно содержит обыгрывание символики гвоздики, восходящей к поэтике «языка цветов»:

Средь зимних вьюг, в тени, в сутробах снежных
Цветут, – не диво ли? – прелестные цветы,
Чтобы вплестись в венок для милой красоты,
И аромат разлить своих листочков нежных.

И что в отчизне бурь милей сего убранства!
Букет среди зимы прекраснейших гвоздик
Поставит хоть каких ботаников в тупик,
Да он же и символ любви и постоянства.

¹¹ Н. Ф. Золотницкий, *Цветы в легендах и преданиях*, Санкт-Петербург 1912, с. 105.

Цветите ж в честь красе, из вас веночек свившей,
 На диво милых дев пленительным очам,
 На зло завистливым морозам и снегам,
 И в память на пиру в сей жизни отгостившей.
 Счастливая чета над вами умилится,
 Задумается лесь и ветреность вздохнет,
 А я - взглянул на вас...Тоска меня гнетет,
 И горьких слез поток из глаз моих струится¹².

В селамном списке Олениной гвоздика представлена пятью вариантами, с выразительным спектром значений: гвоздика – «чувство», белая гвоздика – «девушка», китайская – «отвращение», пестрая – «отказ от любви», розовая – «верность при всех испытаниях». Стихотворение выглядит как некий комментарий к этой богатой селамной амплитуде одного цветка.

Из наблюдений над опытами Анны Олениной можно заключить, что обращение к «алфавиту Флоры» было яркой приметой языка культуры пушкинской эпохи, в частности, в таком ее проявлении, как бытовой сентиментализм.

Эстетические возможности условного «языка цветов» в контексте литературно-бытовых жанров реализуются в словесных формулах, придающих концептам статус тропа (по принципу переноса значений). Ближе всего флористической поэтике механизм метафоры:

Решающей характеристикой метафоры является семантическая инновация, благодаря которой новая уместность, новое согласование установлены таким образом, что «творят смысл» высказывания как целого. Метафорическое значение состоит [...] в новом предикативном значении, которое возникает из руин буквального значения, возникающего при опоре только на обыденные или распространенные лексические значения наших слов¹³.

Принципиальное свойство поэтики «языка цветов» — мемотивность: каждый концепт функционально становится «банком памяти». С этим связано рождение ассоциаций — главный механизм поэтики «языка цветов» в составе словесного текста. Ассоциативный принцип соположен основному типу включения «чужого» слова в дневниковое пространство — принципу аналогий, параллелей, а продиктован генетической природой шифра, изначально возникшего на основе символизации порождаемых растением ассоциаций (от природных до культурных).

¹² А. А. Оленина, *Дневник. Воспоминания...*, с. 328–329.

¹³ П. Рикер, *Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение*, [в:] *Теория метафоры*, под ред. Н. Д. Арутюновой, Москва 1990, с. 419–420.

Summary

KLARA SHARAFADINA

"THE LANGUAGE OF FLOWERS" POETICS AS A CODE OF POETIC PROSE OF 19th CENTURY (ANNA OLENINA'S DIARY AND AUTOBIOGRAPHIC PROSE)

The article analyses Anna Olenina's literary experience – the diary and the autobiographical prose – in the context of her use of "the language of flowers" poetics. This code was an original method of poetic prose and everyday landscape graphics at Pushkin's time, accumulating the allegorical plan of the content. The original version of the list of "the language of flowers" is placed in her blog – French etiquette handbook 1811.

Key words: Poetic prose, diary, etiquette code, "the language of flowers", the poetics of allegory.